

таты по отдельным аспектам исследования языка. Опыт работы автора над машинным фондом сельского языка со-

служит пользу при создании машинного фонда бесписьменных и младописьменных языков.

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.3.14>

ТРЕТИЙ ЗОНАЛЬНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПЕРМСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

15—16 марта 1990 г. в Сыктывкаре проходил III зональный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Первый аналогичный симпозиум состоялся в 1986 году (материалы опубликованы в сборнике «Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков», Ижевск 1987) в Ижевске, второй — в 1988 г. там же. И на этот раз среди участников, естественно, преобладали исследователи пермских языков, несколько расширили границы региона специалисты по марийскому языку. К сожалению, не приехал никто из Коми-Пермяцкого национального округа, хотя и там (в Кудымкаре) создан небольшой центр исследования родного языка и молодые ученые могли бы на таком форуме специалистов почерпнуть вдохновение для своей деятельности.

Поскольку нынешний симпозиум был посвящен 100-летию Д. В. Бубриха, на первом пленарном заседании речь шла о Д. В. Бубрихе и его трудах. Деятельность Д. В. Бубриха на благо пермских народов была многосторонней: он организовывал научную работу, помогал формированию местных научных кадров и создавал свои исследования по этим языкам, оригинальные положения и глубина анализа которых сохраняют свое значение и в наше время. Пример этого — хотя бы трактовка им темы глагола в грамматике коми языка, которой посвятил свой доклад Е. А. Цыпанов (Сыктывкар). Докладчик подчеркнул, что до сих пор работа Бубриха «Грамматика литературного коми языка» остается одним из наиболее полных описаний морфологии глагола в коми языке. Придерживаясь принципа «от формы — к содержанию», Д. В. Бубрих достаточно последовательно выделил группы возвратных и причинительных (каузативных) глаголов, видовые их классы. Богато представлены ин-

финитные формы глагола: так, Д. В. Бубрих установил шесть формативов причастий и 34 формата деепричастий (отглагольных наречий). В учебнике же «Современный коми язык» (1955) выделены четыре формата причастий и пять видов деепричастий.

Других аспектов в исследованиях Д. В. Бубриха по коми языку коснулся Г. Г. Бараксанов (Сыктывкар). Многогранность ученого характеризуют и его работы в области удмуртского языка. И. В. Тараканов (Ижевск) проанализировал взгляды Бубриха, изложенные в «Исторической фонетике удмуртского языка», и познакомил с его рукописями, которые до сих пор остаются не опубликованными. В. И. Каракулов (Глазов) напомнил об экспедициях Д. В. Бубриха к удмуртам и о его роли в создании удмуртского литературного языка. В. А. Ляшев (Сыктывкар) изложил некоторые точки зрения Д. В. Бубриха, связанные с историей финно-угорских языков.

Второй круг тем пленарных заседаний касался истории и контактов пермских языков.

Наибольшую полемику вызвал доклад Р. Ш. Насибуллина (Ижевск) «К вопросу о времени распада общепермской языковой общности». Автор подверг сомнению традиционную хронологию распада общности пермских племен (конец I тыс. н. э.), которая основана на распространении булгаризмов в пермских языках. По мнению докладчика, ареал пермских племен, т. е. предшественников коми, доходил далеко на север уже в I тыс. до н. э., а контакт между коми и удмуртскими племенами был продолжительным. Прервать его могла лишь распыленность русской колонизации в XVI—XVII вв. Подтверждение языковым данным докладчик искал в археологии, климатических изменениях в прошлом и в письменной истории. Хотя изложенное содержа-

ло, также спорные и гипотетические моменты, доклад следует оценить как попытку освободиться от догм и сформировать новые точки зрения, исходя из современного уровня знаний.

К далекому прошлому обратились в своих докладах и марийские исследователи. Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола) в докладе «Об удмуртском наследии в топонимии северо-западной зоны марийского края» расширил древний ареал распространения финно-угорских племен в южном и юго-восточном направлениях и охарактеризовал контакты между племенами. О марийско-коми контактах он говорил под знаком вопроса, напротив, марийско-удмуртские назвал интенсивными.

Последнее подтвердил и Д. Е. Казанцев (Йошкар-Ола) в докладе «Пермское влияние на вокализм марийского языка». Рассматриваемое звукоизменение **ä* > *a* > *o* как ареальное развитие в языках Волго-Камья, по мнению докладчика, повлияло на восточномарийские диалекты именно через удмуртский язык.

Кроме пленарных заседаний, работа симпозиума проходила в двух секциях.

В секции «Вопросы лексикологии и ономастики» обсуждались интересные семантические группы лексики как в традиционном, так и в нетрадиционном аспекте. Любопытный материал содержали все доклады.

Ономастики коснулась лишь Л. Е. Кириллова (Ижевск) — «Топонимизация названий деревьев в удмуртском языке». В большинстве своем основой для топонимов, связанных с деревьями, служат характеристики самих деревьев. Вторую по величине группу составляют топонимы, образовавшиеся на базе связанных с деревьями поверий и обычаев.

Единственным по своей тематике стал и доклад Г. Н. Лесниковой (Ижевск) «Фразеологизмы с компонентами *ки* и *йыр*». Между прочим, автор работает над обширным исследованием удмуртской соматической фразеологии.

Выступил на симпозиуме и один литературовед А. Г. Шкляев (Ижевск). В его докладе «Динамика использования диалектизмов в поэтических сборниках Кузееба Герда» поставлен вопрос о роли диалектизмов в удмуртской художественной литературе.

Лексикографический аспект словар-

ного запаса рассматривался в двух докладах. Л. М. Безносикова (Сыктывкар) познакомила с проблемами составления двуязычного (коми-русского) словаря антонимов, А. Н. Ракин (Сыктывкар) — с принципами представления в словаре остонимической лексики коми языка.

Происхождение лексики затрагивалось в различных аспектах. Значение первичного компонента терминов родства *вежай*, *вежань*, *вежань* и др. до сих пор толковалось по-разному. Опираясь на аналогичную группу слов в родственных языках, А. И. Туркин (Таллинн) подтвердил мнение, что исходным значением слова было 'крест'.

С. В. Соколов (Ижевск) рассматривал отношения описательных названий животных и птиц (напр., удм. *лудкеч* 'заяц' и т. д.) и табу.

Б. Ш. Загуляева (Ижевск) в докладе «Названия женских украшений в удмуртских диалектах» показала, что использование украшений — относительно позднее явление. Названий, общих с коми языком, немного, бросается в глаза татарское влияние, но большинство названий возникло на базе своего языка.

А.-Р. Хаузенберг (Таллинн) обратилась к источникам коми сельскохозяйственной лексики. Даже считающаяся старейшей, так сказать базовая лексика земледелия гетерогенна как по возрасту, так и по происхождению. Очевидно, коми постепенно овладевали земледелием и в то время, когда они проживали разбросанно на обширной территории.

Контакты русского и коми языков нашли отражение в четырех докладах. В. В. Соловьев (Сыктывкар) проследил изменение системы коми терминов родства под влиянием русского языка. Более устойчивыми оказались термины, обозначающие родство по крови. Насколько обширно влияние русского языка на северные удмуртские диалекты, показала Л. Л. Карпова (Ижевск): русские заимствования вытеснили и исконную лексику. Е. А. Айбабина (Сыктывкар) говорила об адаптации русских заимствований в коми языке и вытекающей отсюда омонимии. Влияние языкового контакта все же и на русский язык показал А. Д. Ли (Сыктывкар) в докладе «Некоторые особенности адаптации коми лексических заимствований в русских го-

ворах Коми АССР». Коми заимствования в русском языке играют в основном эмоционально-экспрессивную роль, часть из них обогащает семантическую вариативность языка.

Во второй секции «Вопросы фонетики и грамматики пермских языков» было прочитано 13 докладов на самые разнообразные темы, связанные с фонетическим и грамматическим строем удмуртского и коми языков. Прозвучали также доклады по сопоставительной грамматике, преподаванию удмуртского языка как иностранного.

В. К. Кельмаков (Ижевск), «Когда возникло деканье в удмуртских диалектах?», проанализировал пять рефлексов развития анлаутного *j* в удмуртских диалектах. Переход *j > d'* произошел, по его мнению, в XVII — начале XVIII в. в периферийных закамских говорах под прямым тюркским влиянием, завершился процесс к концу XIX в. Затронуто в докладе и возникновение леканья, переход *j > l*.

Т. А. Краснова (Ижевск) в докладе «Восприятие вопросительных предложений с точки зрения просодических характеристик» изучила восприятие студентами-удмуртами трех видов вопросов: нейтральных (общее- и частновопросительных), формально-вопросительных и модально-эмоциональных. Эксперимент показал, что путаница в восприятии вопросов второго и третьего типа объясняется близостью мелодического рисунка.

Р. И. Баталова (Москва), «О словообразовательной роли ударения», рассмотрела неизученное явление в южных коми-пермяцких диалектах — процесс фиксации ударения на определенных слогах, что привело в одних случаях к устранению омонимии (*муньом* 'оказывается, он шел', *муньом* 'отъезд'), в других фиксированное ударение выражает степень качества прилагательных, законченность действия глагола и др. По общему мнению аудитории, это новое явление в коми-пермяцком языке необходимо изучить более тщательно.

Г. И. Тираспольский (Сыктывкар), «Коми-зырянские, русские и немецкие послелоги в сопоставительном освещении», обратил внимание на постпозитивное употребление предлогов в русском и немецком языках и сравнил их с коми после-

логами. Послелоги русского языка, например, *Ужель идти от дома прочь* (А. Блок) докладчик выделил условно, что вызвало оживленную дискуссию слушателей.

В. М. Лудыкова (Сыктывкар) в докладе «Колоративная конструкция в пермских языках» исследовала осложненное глагольное сказуемое с изобразительными глаголами, стоящими в препозиции к основному глаголу с прямым лексическим значением, например, *гизьыны-серавны* 'гоготать-смеяться'. В ходе обсуждения было уточнено, что подобных конструкций нет в удмуртском языке, нет прямых соответствий им и в русском языке, это характерная черта коми языка.

Е. А. Игушев (Сыктывкар), «Стилизация числовых форм в пермских языках», представил вниманию слушателей некоторые случаи употребления существительных в формах единственного и множественного чисел, разнообразные авторские употребления. Интересны употребления собственных существительных в форме множественного числа, например, *Ивангясын рытйысис* 'В доме у Ивана провели вечер', *Питергясын нывгяс велодчисны* 'В Питерах (столицах) дочки учились'. Автор привел и сопоставительный материал удмуртского языка.

На материалах Ю. Вихманна основан доклад Н. А. Сергеевой (Ижевск) «Формы сложного прошедшего времени с компонентами *вал* и *вылэм*». Докладчик определила количество употреблений и процентный состав разных форм сложных прошедших времен в исследуемых текстах.

И. Я. Коткова (Ижевск), «Грамматические значения глаголов возвратного залога в удмуртском языке», выявила ряд значений традиционно выделяемого возвратного залога, причем характеризуя страдательное значение как разновидность возвратного залога.

Н. А. Козлова (Сыктывкар), «Некоторые вопросы адаптации русских заимствований в морфологической системе коми языка», рассмотрела способы вживания некоторых лексем-русизмов в лексическую и грамматическую систему коми языка.

А. Ф. Шутов (Ижевск), «Придаточные с постпозитивными союзами в удмуртском языке», выяснил, что употреб-

ление союзов *ке, вылэсь, шуыса* и др. в конце предложения однотипно с употреблением постпозитивных союзов в марийском языке, что вызвано было влиянием тюркских языков.

А. А. Алашеева (Ижевск) в докладе «Пространственные падежи в северноудмуртском наречии» обратилась к падежам в северных удмуртских диалектах, где количество их доходит до 21. В литературном удмуртском языке и многих диалектах некоторым пространственным падежам соответствуют послеложноименные конструкции.

Т. И. Прокушева (Сыктывкар) анализировала употребление определеннопритяжательных суффиксов в коми языке. В докладе «Выражение отношений принадлежности в коми и русском языках» она выявила лексические группы существительных, к которым чаще всего присоединяются притяжательные суффиксы в коми языке.

Интересный доклад представила И. П. Поздеева (Ижевск) «Коммуникативные регулятивы в сопоставительных исследованиях», где исследовала характерные для сельской удмуртской среды

способы приветствия, ритуальную часть встречи, символические вопросы. Она пришла к выводу о большом отличии коммуникативных регулятивов в удмуртской среде от подобных же регулятивов в русской или русскоязычной среде.

Доклад Р. А. Кузнецовой (Ижевск) «Особенности обучения удмуртскому языку детей неудмуртов в дошкольных учреждениях» содержал опыт обучения удмуртскому языку в детских садах Ижевска, в нем приведены некоторые ролевые моменты и игровые ситуации при усвоении навыков разговорной речи.

Тематика симпозиума отличалась достаточным разнообразием: каждый мог найти что-то новое по своей проблеме и из смежных областей — именно в таком соотношении, что интерес не затухал и восприимчивость была достаточно высокой. Делались попытки выйти за рамки родного языка, традиционных моделей изложения и принятых точек зрения.

Следующий, IV симпозиум намечено провести снова в Сыктывкаре в 1992 г., когда будет отмечаться 100-летие коми разностороннего ученого А. С. Сидорова.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллинн),
ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)